

**ПО ПОВОДУ ПИСЬМА А. А. ФОРМОЗОВА
«О ДРЕВНЕЙШИХ АНТРОПОМОРФНЫХ СТЕЛАХ СЕВЕРНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ»**

Можно согласиться с А. А. Формозовым, что вопрос о древних антропоморфных изваяниях является частью большой проблемы Средиземноморья, да и всей Европы. Следует подчеркнуть, что проблема эта сложна и в полном виде еще не может быть решена. А. А. Формозов ссылается на материалы Южной Франции, которые, согласимся и с этим, действительно, представляют черты значительного и пока необъяснимого сходства с причерноморскими стелами. Приведенные им примеры можно значительно умножить, не ограничиваясь лишь территорией Франции. Достаточно вспомнить здесь известную находку подобной же стелы в Трое I¹. Эта стела близка в равной мере и французским, и причерноморским. Находка ее доказывает, что стелы были известны не только к западу от Причерноморья, но и к югу от него. Причем, если учитывать последние датировки Трои I², появление их там должно быть отнесено к чрезвычайно раннему времени. Это еще более усложняет общую проблему каменных изваяний рассматриваемой группы. Учитывая все это, я отнюдь не претендовала на рассмотрение проблемы в целом и умышленно не привлекала материалы западных территорий, в том числе и Южной Франции, ибо привлечение их увело бы меня от рассмотрения сугубо конкретного вопроса, поставило бы целый ряд общих и крайне сложных задач, которые, повторяю еще раз, при современном состоянии источников представляются мне неразрешимыми.

Однако можно ли считать, что сложность проблемы в целом исключает возможность постановки отдельных ее вопросов и разрешение некоторых локальных частей ее? Я считаю, что такая возможность отнюдь не исключается. В своей статье я, как мне кажется, сформулировала достаточно определенно именно одну из таких конкретных задач: соотношение известных до сего времени памятников рассматриваемой группы в собственно Северном Причерноморье и в северо-западной его части. Такая постановка вопроса для меня представлялась неслучайной. В последние годы появляются все новые материалы, свидетельствующие о тесном контакте обеих областей на протяжении длительных периодов и о явном проникновении северопричерноморских культурных элементов на юго-запад. В общем плане этот вопрос был рассмотрен мною в другой работе³. После ее выхода появились еще работы, подтверждающие правильность такого направления исследований⁴; и именно в этом аспекте рассмотрены мной определенные группы древних каменных изваяний. Поэтому привлечение здесь материалов Южной Франции, как и северо-западной Анатолии, представляется мне неправомерным, а при учете задачи работы, посвященной вопросу этнокультурных связей племен южнорусских степей и Балканского полуострова, и искусственным. И столь же неправомерным и искусственным представляется мне упрек А. А. Формозова, который я ни в коей мере принять не могу. Общая постановка вопроса А. А. Формозовым и его гипотеза о западносредиземноморском влиянии на Северное Причерноморье, о влиянии дольменной культуры и т. д. попросту не имеет никакого отношения ни к задачам моей статьи, ни к ее содержанию. Поэтому, при всей спорности и уязвимости намеченной А. А. Формозовым гипотезы⁵, я не буду здесь на ней останавливаться.

Остановлюсь лишь на некоторых конкретных упреках А. А. Формозова в мой адрес. Заявление относительно того, что «автор не использовал ряд работ по той же теме» (стр. 177), основано фактически на том, что мной не учтена изданная Александром Хеслером новочеркасская стела. Сразу же отмечу, что эта стела, во-первых, никаких принципиально новых черт не носит и полностью укладывается в предложен-

¹ C. W. Blegen, C. G. Bönlter, Troy, Princeton, 1950, v. I, рис. 93 (альбом), 190 (текст), стр. 155—157.

² Y. Mellart, The End of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegian, «American journal of archaeology», 1958, v. 62, No. 1.

³ Т. Д. Златковская, К вопросу об этногенезе фракийских племен, «Сов. этнография», 1961, № 6, стр. 82—94.

⁴ V. Dumitrescu, The date of earliest western expansion of the Kurgan tribes, «Dacia», VII, 1963, стр. 495, след.; Н. Я. Мерперт, Балканы и Северное Причерноморье в бронзовом веке, Тезисы доклада на первом симпозиуме по арх. и этн. Юго-Запада СССР, Кишинев, 1964.

⁵ Здесь достаточно вспомнить, что в другой своей статье, имея тот же самый материал, А. А. Формозов допускает возможность влияния на процесс создания рассматриваемых изваяний «далеких южных цивилизаций» («Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6, стр. 111). Выдвигая в настоящей статье гипотезу западных влияний, А. А. Формозов крайне усложняет картину: вначале влияние Египта и Месопотамии на Северо-Запад, потом отраженное влияние на Восток.

ную нами III группу. Во-вторых, стела является случайной находкой и поэтому не дает и сколько-нибудь важных хронологических указаний.

Второй упрек А. А. Формозова (стр. 177) касается якобы ошибочных прорисовок трех стел. Первая из них — стела из Гаманджи. Чашечные углубления на ней возможно трактовать как изображение стоп, что и сделано А. А. Формозовым. Однако такое восприятие сугубо субъективно и не может считаться безусловным. Я не воспринимаю подобные углубления, отмеченные на обратной стороне стелы, как изображения стоп. Да и само расположение их неправомерно для подобной трактовки, ибо схематизированные ноги фигуры моделированы достаточно четко и к указанным углублениям отношения не имеют. «Искажение» белоградцевской стелы А. А. Формозовым не конкретизировано, и по этому поводу я могу лишь отметить, что прорисовка сделана мною со всей тщательностью с фото в первом издании ее. Что касается стелы из Александровки, то ее прорисовка сделана по помещенному в статье фото, где, как можно заметить, кисть левой руки не прослеживается.

Третий упрек А. А. Формозова (стр. 177) вызывает лишь недоумение. В моей статье речь шла не о сопоставлении стелы из Гаманджи с южнорусскими, а о заполнении территориального разрыва между этой находкой и основной группой северопричерноморских изваяний. Этот разрыв и был заполнен находкой александровской стелы из Молдавии, что, как мне кажется, достаточно четко подчеркнуто в моей статье. Что же меняет здесь ссылка А. А. Формозова на мнение Тальгрена и Хеслера? Что касается упрека А. А. Формозова относительно того, что публикация александровской стелы была уже сделана ранее Э. А. Рикманом (стр. 177), то здесь вызывает удивление весьма своеобразное понимание А. А. Формозовым термина «публикация». Речь идет о фотографии, изданной Рикманом в популярной книжке «Памятники древнего искусства Молдавии» и о 5,5 строчках в этой книге, посвященных стеле. Ни на какую научную интерпретацию (по нашему мнению в публикации обязательную) Э. А. Рикман не претендует, и сам он предложил мне включить стелу в статью и любезно предоставил фотографию.

Я не могу воспринимать как упрек предложенную А. А. Формозовым гипотезу о вторичном характере использования стел, перекрывавших могильные ямы. Это вопрос дискуссионный, требующий дальнейших исследований. Однако имеющиеся до сих пор объекты вряд ли согласуются с мнением А. А. Формозова, игнорирующего то обстоятельство, что стелы I группы, перекрывающие могилы, как правило, не моделированы с обратной стороны и не заострены в нижней части.

Далее. Предложенный А. А. Формозовым единый прямой эволюционный ряд стел построен чисто умозрительно, на основании формальных признаков отдельных объектов. С точки зрения чистой типологии он может представлять определенный интерес. Но от всех прочих данных, прежде всего от погребальных комплексов, с которыми ряд стел безусловно связан, он полностью оторван. При этом совершенно непонятно, в какой мере этот ряд, созданный по чисто типологическому принципу, противоречит возможности группировки определенных стел по хронологическому и стилистическому принципам.

Относительно хронологии. Как известно, вопросы хронологии бронзового века в пределах II тыс. до н. э. до сих пор являются дискуссионными. Некоторые культуры и периоды за последнее время подвергались пересмотру и были отнесены к более раннему периоду⁶, что, естественно, еще не могло быть учтено в моей статье. Поэтому вопрос о возможности отнесения наиболее поздних стел ко второй половине II тыс. до н. э. подлежит сейчас пересмотру. Но, с другой стороны, существование и развитие стел на протяжении значительного периода представляется мне не подлежащим сомнению. Сам А. А. Формозов относит к безусловно явному времени первую половину своего ряда, считая датировку второй половины спорной (стр. 179). Однако «спорность» эта должна разрешаться уже в пределах первой половины II тыс. до н. э., к чему подводит и само построение А. А. Формозова. В этой связи не может не вызывать удивления несколько свободное обращение моего оппонента с привлекаемой им аргументацией. Так, он связывает стелу из Казанков с погребением, сопровождаемым молотком якобы начала II тыс. до н. э., ссылаясь при этом на А. А. Щепинского; между тем в тексте самого Щепинского указан молоток не начала, а первой половины II тыс. до н. э.⁷

Этим исчерпываются возражения А. А. Формозова, так сказать негативная сторона его работы. Позитивное же изложение его соображений, которое в свете множества возражений обещало быть весьма обширным, поражает своей краткостью. Оно сводится к полутора страницам (179—181), на которых очень бегло повторяются

⁶ А. И. Тереножкин, Основы хронологии предскифского периода, «Сов. археология», 1965, № 1, стр. 63—85.

⁷ А. А. Щепинский, Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму, «Сов. археология», 1963, № 3, стр. 43.

давно высказанные⁸ соображения о том, что южнорусские антропоморфные стелы следует ставить в связь с каменными изваяниями Западной Европы. Никаких новых аргументов или соображений по этому вопросу А. А. Формозов не приводит⁹, не без основания полагая, видимо, что все сказанное в более ранних работах по этому вопросу гораздо полнее и обоснованнее того, что им упомянуто в предлагаемой статье.

Т. Д. Златковская

⁸ «Записки Всеукраїнського археологічного комітету», т. 1, 1931, стр. 208—218; A. Häusler, Die Felszeichnungen der Kamennaja Mogila und megalithische Einflüsse in Sudrussland, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Marthin Luther Universität», Halle — Wittenberg, Bd. VII, Heft, 2, 1958, стр. 497—509, особенно стр. 503—509; А. А. Формозов, Образ человека в памятниках первобытного искусства с территории СССР, ВИМК, 1961, № 6, стр. 110—111.

⁹ Если не считать поражающего своей наивностью заключения о том, что основное направление древних связей шло с запада на восток. Этот вывод обосновывается единственно тем, что «стелы в Южной России распространены на очень узкой приморской полосе» (стр. 181); как будто движение по приморской полосе возможно только с запада на восток и невозможно с востока на запад (!?).